

Прошло несколько месяцев. Королевский цирк Ройя набирал популярность. Они колесили по городам, собирая по дороге уродцев для представлений, и вскоре это шоу стало визитной карточкой цирка.

Пока не достигли столицы империи, Сан-Лоренцо.

Девушка смотрела на сцену, где хлестали монстра: при каждом ударе хлыста он бился в жутких криках. На её лице читалось сострадание.

Зрители вокруг, напротив, взвизгивали от восторга — похоже, такое зрелище им было в радость.

— Эй, прекратите! Это же жестоко! — Девушка в богатом наряде, с дамской рапирой в руке, спрыгнула со зрительского места прямо на арену.

Красивая укротительница, испугавшись, не посмела перечить аристократке.

— Да-да, ваша милость, мы больше не будем так с ним обращаться! — директор цирка, подобострастно изогнувшись, поднялся на сцену и многозначительно переглянулся с укротительницей. Та поняла намёк и загнала монстра в клетку, укатив её за кулисы.

Девушка, убедившись, что чудовище больше не истязают, удовлетворённо кивнула:

— Чтобы больше такого не было! Узнаю — вам несдобровать!

— О, благородная и милосердная госпожа, мы, жалкие невежды, ошибались! Клянёмся, подобное не повторится!

Услышав льстивые речи директора, девушка сочла свой долг исполненным и вернулась на место досматривать представление.

За кулисами монстра снова скрутили. Он вспоминал лицо той девушки, и его глаза наполнились благодарностью.

Какая добрая госпожа!

Укротительница, покосившись на заметно повеселевшего монстра, скривилась:

— Ха, дурак! Теперь будешь акробатические трюки показывать. Это куда хуже, чем под кнутом извиваться и кричать!

— отрывок из фильма «Гнев Ктулху»

Проснувшись утром, Чжоу Юй почувствовал себя отдохнувшим; ночь прошла без снов.

Он раздвинул плотные шторы, и солнечный свет залил комнату. На душе стало чуть легче.

Умывшись, он спустился вниз и постучал в дверь гостевой комнаты.

— Ты уже встал? Франкен?

Франкен слишком походил на человека. Чжоу Юй не мог относиться к нему как к лабораторному образцу. Пока что он решил считать его гостем.

В комнате раздался глухой удар — что-то тяжелое рухнуло на пол.

Чжоу Юй открыл дверь и, как и ожидал, увидел огромную тушу Франкена, который испуганно пытался подняться с пола.

На лице Чжоу Юя появилось выражение обречённости. Ладно, будем считать, что он взял на воспитание большого ребёнка.

— Завтрак готов. Идём.

Он кивнул Франкену, чтобы тот следовал за ним в столовую. Дом был просторным, гостиная плавно переходила в столовую. Поскольку завтрак ещё не был подан, Чжоу Юй велел Франкену пока сесть на ковёр в гостиной.

Стулья были ему малы — ноги некуда было деть.

На завтрак снова был чёрный хлеб с сыром. Порывшись в шкафу, Чжоу Юй нашёл два яйца и пожарил яичницу. Несмотря на вкус, на тарелке еда выглядела аппетитно.

В столовой не нашлось стула, подходящего для огромного Франкена, поэтому Чжоу Юй решил есть в гостиной.

Франкен поблагодарил и принялся послушно жевать хлеб с яйцом. У Чжоу Юя тоже было яйцо, но аппетита не было. Заметив, что Франкен, кажется, не наелся, он переложил яйцо в его тарелку.

Франкен уставился на угощение, и в его глазах блеснула благодарность.

Ему всё казалось, что это он виноват в плохом настроении создателя, поэтому он боялся даже лишнее слово сказать. Всю ночь ему снились кошмары — будто его продали в цирк, и там мучают.

Хотя он появился на свет только вчера, он словно от рождения умел говорить, мыслил ясно, умел считывать чужие эмоции — или это было некое врождённое чутьё. Он отличал, когда создатель настроен доброжелательно, а когда нет.

— Спасибо, отец.

Он попытался изобразить улыбку. Застывшие мышцы на лице дёрнулись, и улыбка вышла жуткой — такая любого ребёнка напугает.

Его лицо было сшито из лоскутов разного цвета. Бóльшая часть — бледная, почти белая, меньшая — с красноватым оттенком. Губы пересекали грубые швы. Только глаза, чистые и ясные, были настоящей парой. В них светилось то простое, понятное, что называется душой.

Если честно, если не обращать внимания на швы, лицо было ещё ничего. Особенно эти ясные синие глаза — они смягчали звериную сущность, заложенную в его облике.

Но всё равно при взгляде на Франкена возникало смутное ощущение: перед тобой чудовище. Какая-то необъяснимая сила заставляла внутренне сжиматься. Словно человеческая природа отторгала его, как что-то чужое, тёмное, непонятное.

Будто один вид его включал в мозгу невидимый сигнал: это монстр. Он не такой, как люди.

Сам Франкен этого не чувствовал. Он считал себя человеком — ведь его создал человек, и это давало ему чувство принадлежности.

Чжоу Юй взглянул на эту зловещую улыбку и сказал без всякого выражения:

— Ладно, мне нужно в лабораторию. Посиди здесь. Можешь погулять по дому, только в подвал не спускайся и на улицу не выходи.

Он привык к призрачному облику Фэн Сина, так что Франкен с его страшной мордой его не пугал. В конце концов, монстр из плоти и крови не шёл ни в какое сравнение с яростным духом Короля Демонов, которым стал Фэн Син.

Его спокойствие обмануло Франкена: тот решил, что его улыбка не так уж страшна.

Он снова растянул рот, насколько позволяли швы, и послушно кивнул:

— Хорошо, отец.

— И ещё, не называй меня отцом, — бросил Чжоу Юй, убирая посуду. — Я тебе не отец. Такие обращения могут мне дорого обойтись. Лучше зови меня братом.

Он говорил холодно, без тени тепла.

Франкен ему не был противен, но Чжоу Юй чувствовал себя чужим в этом мире. В нём не было сил, как в прошлой жизни, притворяться радушным и с энтузиазмом вписываться в новую реальность.

Он слишком много прожил. Сердце его состарилось. Всё, что он хотел — найти Фэн Сина, и поэтому ко всем вокруг относился с ледяным безразличием.

Ясные синие глаза Франкена потускнели. Он с запинкой проговорил:

— Хорошо... брат...

Чжоу Юй запер входную дверь — на этот раз Франкен точно никуда не сбежит — и спустился в лабораторию.

Здесь всё ещё царил разгром. Он убрал осколки пробирок и начал разбирать алхимический стол.

Стол этот был самой ценной вещью в лаборатории. Калиэль купил его с рук, и влетел он ему в копейчку.

В этом мире алхимия тоже была замешана на магии. В стол были встроены механические руки, помогавшие проводить опыты, и специальный камень, измеряющий магическую одарённость — источник. Нужно оборудование можно было добавлять по желанию. Такие столы были необходимы каждому алхимику, и стоили они баснословно дорого. Калиэль мог позволить себе только подержанный.

Чжоу Юй нашёл источник, сжал его в ладони и замер.

Камень начал светиться слабым голубоватым светом, который становился всё ярче, пока не залил всю комнату. Тогда Чжоу Юй разжал пальцы.

Магическая одарённость измерялась яркостью источника. Чем ярче свет, тем больше магии способно вместить тело. Сестра Калиэля, Кэтрин, зажгла его огоньком свечи — тёплым, алым, — и её признали гением, каких в Тории не выдывали сотню лет. Сам король принял её.

А Чжоу Юй зажжёт свет, яркий и мягкий, как сотня ночников. Во много раз ярче той свечи. Если бы об этом узнали — мир перевернулся бы.

Чжоу Юй прекрасно понимал, что означает такая яркость. Он, конечно, рассчитывал, что магическая одарённость у него чуть повысится и он перестанет быть пустышкой. Но чтобы настолько — такого он не ожидал.

Что ж. Тем лучше.

В его глазах вспыхнула надежда. Если он сможет овладеть магией, получить больше привилегий, то и найти Фэн Сина станет куда проще!

Динь-ди-инь!

В кармане запищал связной камень.

Чжоу Юй достал камень, выданный ему Алхимической академией, и открыл сообщение.

Холодный, бездушный голос произнёс:

— Ученик первой ступени Калиэль. Срок вашего отпуска истёк. Немедленно вернитесь в академию. Начались итоговые экзамены. Неявка приравнивается к отчислению. Если не подтвердите вторую ступень, будете отчислены автоматически.

Камень умолк.

Чжоу Юй задумался, припоминая. Да, сейчас в Алхимической академии как раз экзаменационная пора. Калиэль поступил с блеском, а потом пропал: сутками просиживал в библиотеке, штудировал трактаты, загорелся идеей создать живое существо. Он пропускал занятия, чем восстановил против себя всех преподавателей, а потом и вовсе взял академический отпуск на два месяца. Ему было плевать на учёбу. И теперь расплачиваться за это предстояло Чжоу Юю.

Обычному ученику, не сдавшему на вторую ступень, давали ещё один шанс. Могли оставить на второй год. Но с таким строптивцем, как Калиэль, академия решила не церемониться.

Впрочем, Чжоу Юй и сам не горел желанием возвращаться. Ему было нужно лишь удостоверение алхимика. Он решил потом сдать экзамены в Алхимической гильдии, а в этой академии ему больше не место.

И для Калиэля, и для него самого всё, чему учили в академии, было давно пройденным этапом — пустая трата времени.

Тот факт, что Калиэль сумел создать Франкена, уже говорил о его незаурядных способностях. А Чжоу Юй, унаследовав его память, не просто усвоил эти знания, но и, благодаря своему опыту из прошлой жизни, привнёс в них широту мышления, которой Калиэлю не хватало. Он понимал алхимию глубже, чем его предшественник.

Феноменальная память, которой он обладал в прошлой жизни, в этой стала ещё острее.

Для большинства алхимиков запоминание названий и свойств ингредиентов — уже титанический труд, не говоря уже об изучении их взаимодействия и модификаций. На то, чтобы подняться с ученика до мастера, у обычного человека уходила целая жизнь.

А для Чжоу Юя, с его уникальной памятью, такая наука была словно специально создана.

Разбирая лабораторный стол, он наткнулся на старую книгу, которую Калиэль принёс из академической библиотеки.

Ту самую, с помощью которой он пробудил Франкена.

Чжоу Юй замер.

У книги был толстый чёрный переплёт, на обложке золотом вытеснены незнакомые символы. Она выглядела древней и тяжёлой.

От неё веяло чем-то тревожным, неведомым.

Казалось, стоит её открыть — и случится беда.

Чжоу Юй медленно протянул руку и коснулся обложки. На вид — грубая, на ощупь оказалась неожиданно мягкой и гладкой.

Он открыл книгу.

Первый разворот занимал рисунок.

Чжоу Юй нахмурился, глядя на него.

На странице, занимая её целиком, был изображён гигантский спрут. Тонкие, изящные линии, нанесённые чёрной тушью, оживляли чудовище, придавая ему зловещий реализм.

Этот спрут, раскинувший щупальца по всей странице, источал гипнотическое, завораживающее могущество. В его облике чувствовалась глубокая, первобытная власть, от которой захватывало дух.

Щупальца гигантского спрута обвивали строку в самом низу страницы.

Надпись была сделана на древнем континентальном языке, который мало кто мог прочесть. Но Калиэль обладал обширными познаниями, поэтому Чжоу Юй быстро разобрал смысл:

— Самая древняя и сильная эмоция человека — страх, а самый древний и сильный страх — это страх перед неизведанным.

Он не заметил, как, когда он произнёс эти слова, книги на полках лаборатории дрогнули. С них посыпалась пыль, оседая на полу, который тоже вибрировал.

В доме, в гостиной, Франкен поднял голову. Его ясные синие глаза вдруг потемнели, став глубокими, бездонными.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13862/1222383>